Текст отдельно существующего «Сказания» известен в двух редакциях. Более ранняя впервые встречается в числе произведений, приписываемых Ермолаю-Еразму, в сборнике XVI в. (Хлуд. 147-д) и с небольшими разночтениями повторяется в Милютинских Четьих Минеях (лл. 1120—1123 об.). Как и «Сказание», входящее в состав «Жития кн. Константина с чадами», эта группа текстов обнаруживает глубокие связи со всем циклом Муромских исторических повестей. В отличие от нее вторая, более поздняя редакция самостоятельно существующего «Сказания» (известная по списку быв. собр. Псковского церковно-археологического общества, № 403), содержит ряд сведений о жизни и деятельности Василия в Рязанской земле, о его смерти и погребении, о деятельности рязанского архиепископа Феодорита и князя Ивана Хворостинина, о нестроениях в Русской земле во время первого самозванца.

Рукопись бывш. Лихачевского собрания № 50 с некоторыми оговорками следует отнести к группе текстов, входящих в состав «Жития князя Константина Муромского». Прежде всего начальная историческая часть совпадает по содержанию с рукописью XVI в. (ГБЛ, Муз. 364). Так, в рассматриваемой лицевой рукописи читаем: «По преставлении ж благовернаго князя Константина и чад его князя Михаила и князя Федора и после благоверного князя Петра и благоверной княгини Февронии, и после запустения града Мурома от неверных людей преиде из Киева в Муром град благоверный князь Георгий Ярославич». В рукописи Муз. 364 читаем: «По представлении же святаго благовернаго князя Константина с чады, многим летом минувшим и по запустении града Мурома от неверных людей, и после благоверного князя Петра и благоверныя княгини Февронии тако же, многим летом мимошедшим, преиде из Киева в Муром град благоверный князь Георгий Ярославич».

Совпадая в основном своем содержании, рукопись собр. Лихачева № 50 изменяет порядок событий, восстанавливая правильную хронологию, т. е. сначала упоминает князя Петра и Февронию, а потом говорит о запустении града Мурома от «неверных людей» (под последними, видимо, подразумевается монгольское вторжение в Муром, о котором упоминается в летописи под 1281 и 1288 гг., соответственно восстановление города князем Георгием Ярославичем относится к 1351 г.[3]), а не наоборот, как это излагается в рукописи Муз. 364.

Обращаясь к эпизоду оклеветания «врагом рода человеческого» епископа Василия, рукопись собр. Лихачева № 50 сокращает подробности событий, описываемых в так называемой средней редакции, т. е. Муз. 364: сначала указывает на «вражеские козни» против праведного епископа, потом говорит об общественной огласке предполагаемых «греховных» деяний епископа, затем передает новеллистические подробности эпизода — явления девицы, вбегающей по ступеням с «сапогами в руках» в покои епископа, и, наконец, приводит возмущенные речи муромчан, обличающих своего пастыря. Далее описываются все подробности поведения епископа перед его чудесным отплытием. Со знанием местоположения муромских зданий создатель рукописи передает рассказ о совершении всенощной в храме «князей Бориса и Глеба», о ночном молении епископа перед иконой Муромской богоматери, о совершении им литургии и последующем шествии к берегу Оки. Весь этот рассказ опять-таки почти полностью

---

[3] В Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 201) сожжение Мурома татарами упоминается под 1239 г., тогда как о монгольском вторжении в Муром говорится в Никоновской летописи (ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 159, 167, 222) под 1281 и 1288 гг. См. также: Д. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 146.